Электронный журнал
Современная зарубежная психология,
2025. *14*(2), 26—37.
https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203
ISSN: 2304-4977 (online)

E-journal
Journal of Modern Foreign Psychology,
2025. *14*(2), 26—37.
https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203
ISSN: 2304-4977 (online)

Обзорная статья | Review paper

Психологические механизмы деструктивного манипулирования и стратегии профилактики цифрового мошенничества

М.И. Розенова[1] ✉ **А.С. Огнев**[2], **Э.В. Лихачева**[3]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
[2] Финансовый университет, Москва, Российская Федерация
Московский педагогический государственный университет
[3] Российский новый университет, Москва, Российская Федерация
✉ profi1234@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Комплексный и интернациональный характер экономического, социального, морального и психологического ущерба от цифрового мошенничества и его размеры детерминируют поиск средств противодействия и повышения безопасности деятельности человека в цифровой среде. **Цель:** выявить основные направления исследований и подходы-модели к описанию механизмов деструктивного влияния в системе «мошенник—жертва», обобщить опыт международных практик противодействия кибермошенничеству и использования методов его профилактики. **Метод:** научно-критический системный анализ явления и его механизмов, обобщение и творческая переработка материалов международного исследовательского поиска. **Гипотеза:** универсальность психологических механизмов деструктивного манипулятивного влияния может стать основой поиска средств противодействия мошенническим стратегиям и разработки методов профилактики уязвимости к обману. **Результаты:** Анонимность интернет-среды и возможность скрытого влияния обеспечивает эффективность современного кибермошенничества, основным механизмом которого выступает деструктивное манипулятивное воздействие, осуществляемое с применением технологий искусственного интеллекта, повышающих достоверность ложного контента и затрудняющих своевременность обнаружения обмана. Современные зарубежные исследования категоризируют разновидности цифрового мошенничества и типизируют феноменологию манипулирования в системе «мошенник—жертва». Для описания механизмов воздействия в исследованиях применяются модели «Бриллианта мошенничества», «Драматического треугольника Карпмана», «Темной и Светлой Триады», «Большой пятерки». Базовыми стратегиями профилактики и противодействия цифровому мошенничеству выступают информационно-просветительские и предупредительно-коммуникативные модели в сочетании с внедрением технических средств обнаружения и пресечения мошеннических действий. **Выводы**. В современной ситуации развития кибермошенничества актуализирована необходимость применения междисциплинарного подхода и разработки интегративной методологии для исследования и разработки-внедрения систем профилактики от деструктивных воздействий в мошеннических целях. Акцент профилактики должен быть смещен с информационно-просветительского подхода на активное обучение навыкам распознавания и противодействия манипуляциям и формирование ментально-эмоциональных установок, связанных с ценностными аспектами Я-концепции личности.

Ключевые слова: цифровое мошенничество, механизмы манипуляции, деструктивное воздействие, мишени, модели, профилактика, практики, противодействие

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации. Тема № 125062507558-8 «Разработка методики профилактики негативных последствий деструктивного информационно-психологического воздействия на детей и молодежь в пространстве цифровых коммуникаций».

Для цитирования: Розенова, М.И., Огнев, А.С., Лихачева, Э.В. (2025) Психологические механизмы деструктивного манипулирования и стратегии профилактики цифрового мошенничества. *Современная зарубежная психология, 14*(2), 26—37. https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203

Psychological mechanisms of destructive manipulation and strategies for preventing digital fraud

M.I. Rozenova[1] ✉, **A.S. Ognev**[2], **E.V. Likhacheva**[3]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
[2] Financial University, Moscow, Russian Federation
[3] Russian New University, Moscow, Russian Federation
✉ profi1234@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The complex and international nature of the economic, social, moral and psychological damage caused by digital fraud, and its size, determines the search for ways to counteract and improve the safety of human activities in the digital environment. **Objective**: to identify the main research areas and model approaches for describing the mechanisms of destructive influence in the fraudster-victim system, to summarize the experience of international practices in countering cyberbullying and methods of its prevention. **Method**: scientific and critical system analysis of the phenomenon and its mechanisms, generalization and creative processing of materials from an international research search. **Hypothesis**: the universality of psychological mechanisms of destructive manipulative influence can become the basis for the search for means to counteract fraudulent strategies and the development of methods to prevent vulnerability to deception. **Results**: The anonymity of the Internet environment and the possibility of covert influence ensures the effectiveness of modern cyberbullying, the main mechanism of which is destructive manipulative influence carried out using artificial intelligence technologies that increase the reliability of false content and complicate the timely detection of deception. Modern foreign studies categorize the types of digital fraud and typify the phenomenology of manipulation in the «fraudster—victim» system, using the «Fraud Diamond», «Karpman Dramatic Triangle», «Dark and Light Triads», and «Big Five» models to describe the mechanisms of action. Information, educational, and preventive and communicative models combined with the introduction of technical means for detecting and suppressing fraudulent activities. **Conclusions**. In the current situation of the development of cyberbullying, the need for an interdisciplinary approach and the development of an integrative methodology for research and development and the implementation of prevention systems against destructive influences for fraudulent purposes is actualized. The focus of prevention should be shifted from an information and educational approach to a model of active learning in the skills of recognizing and countering manipulation, and the formation of mental and emotional attitudes related to the value aspects of the Self-concept of personality.

Keywords: digital, fraud, mechanisms, manipulation, destructive, impact, targets, models, prevention, practices, counteraction

Funding. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation. Topic No. 125062507558-8 «Development of a methodology for preventing the negative consequences of destructive information and psychological effects on children and youth in the digital communications space».

For citation: Rozenova, M.I., Ognev, A.S., Likhacheva, E.V. (2025). Psychological mechanisms of destructive manipulation and strategies for preventing digital fraud. *Journal of Modern Foreign Psychology, 14*(2), 26—37. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140203

Введение и масштаб проблемы

На рубеже 1960-х годов в связи с прорывом в Космос мир охватила эйфорическая надежда на Новые Технологии, которые обеспечат всеобщее процветание. Сегодня человечество уже вплотную имеет дело с этими технологическими разработками, в том числе с «обратной стороной» их эффективности. Давняя мысль о том, что «кто владеет информацией, тот владеет миром», получила уточненное воплощение через возникшие технологические новинки.

Захлестнувшая практически весь мир волна информационно-цифрового трансграничного мошенничества (Ambashtha, Kumar, 2023, pp. 98—99) делает злободневным анализ, обсуждение и разработку методов противостояния деструктивным информационно-коммуникативным технологиям воздействия на индивидуальном и на общесоциальном уровнях.

Острота проблемы усилена наличием искусственного интеллекта (artificial intelligence) (ИИ/AI), внедрение которого в системы социального и межличностного взаимодействия кратно усложнило возможности поддержания организационной и персональной безопасности (Park et al., 2024; Tweed, et al., 2024). Информационная и личная безопасность оказались практически идентичны (Wen et al., 2022). Проявился феномен, названный «*цифровые угрозы*», фиксированный понятиями «информационные угрозы», «кибертерроризм», «кибермошенничество» (Heiding et al., 2024; Zhuravlova et al., 2020). Возможности искусственного интеллекта по воссозданию голосов родственников и коллег потенциальных жертв повысила эффек-

тивность мошеннических действий на 15—20%, упростив получение доверия жертвы (Carroll et al., 2023).

Экономические результирующие финансовых потерь от кибермошенничества впечатляют: по данным Глобального альянса по борьбе с мошенничеством (GASA: Global Anti-Scam Alliance), совокупный годовой ущерб в 2023 году составил $485,6 млрд., в 2024 году — $1,03 трлн., в 4 раза превысив затраты от природных катастроф. Прогноз потерь на 2025 год неутешителен — мир может потерять десятки триллионов долларов. (Wiederhold, 2024).

Криминологи, психологи, социальные работники разных стран фиксируют неуклонный рост все более изощренных форм инструментального и коммуникативного манипулирования, применяемых мошенниками по отношению к разным категориям граждан, среди которых в наиболее уязвимой позиции находятся несовершеннолетние и пожилые люди (Fletcher, 2022; Wiederhold, 2024; Yip, Lee, 2022).

Во всем мире наиболее уязвимой для кибер-мошенничества оказалась сфера романтических отношений и индустрия сайтов знакомств (Wang, Zhou, 2023; Buil-Gil, Zeng, 2021; Lazarus et al., 2023), финансовые и эмоциональные потери в которой стремительно увеличиваются и повышается изощренность способов деструктивного психологического воздействия (Carter, 2021; Coluccia et al., 2020; Cross, Holt, 2021). Нарас-тающие страхи жертв мошеннических атак превращают их жизнь в кошмар (Cross, Lee, 2022). Во многих странах мира романтическое онлайн-мошенничество стало одним из видов аморального и преступного предпринимательства (Cassiman, 2019). В странах Африки доход аферистов в 2021 году составил 10% от общего ВВП всего Африканского Континента (Abubakari, 2024).

Ученые Оксфордского университета (University of Oxford) на основе опроса 92 специалистов в области киберпреступлений (за период 2021—2024 годов) вывели «*Мировой Индекс киберпреступности*» (World Cyber-crime Index, WCI), ранжирующий страны по уровню ее опасности. К территориям наиболее развитого кибермошенничества относят Россию (58,39), Украину (36,44), Китай (27,86), США (25,01), Нигерию (21,28). Странами с максимальными финансовыми потерями из-за кибератак называют Китай, Индию, США, Бразилию, Индонезию, Мексику, Германию (Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index, 2024).

Приведенные материалы актуализируют разбор исследований в сфере деструктивно-манипулятивного влияния в цифровых средах для определения действенных мер защиты от массированного мошенничества.

Цель настоящего обзора международных научных исследований в сфере психологических основ цифровой безопасности и кибермошенничества состоит в выявлении основных *направлений изучения* данной проблемы, *моделей описания механизмов* деструктивного влияния в системе «мошенник—жертва», а также обобщение международных практик противодействия кибермошенничеству и методов его профилактики.

Основными **методами** выступают: научно-критический системный анализ явления и его механизмов; синтез, обобщение и творческая переработка материалов международного исследовательского поиска.

В качестве **гипотезы** выдвинуто предположение об универсальности психологических механизмов деструктивного манипулятивного влияния, которые могут стать основой поиска средств противодействия мошенническим стратегиям и разработки методов профилактики повышенной уязвимости к обману.

Результатом проведенной научной работы выступает приводимый ниже научно-системный обзор современных зарубежных исследований в названной проблемной области.

Актуальные трудности исследований и разработок в сфере цифровой безопасности

Усложнение цифровой среды и использование ее возможностей для мошеннического манипулирования требует равного усовершенствования методов и средств противодействия. В современных реалиях это возможно только *на основе междисциплинарного подхода*, затрагивающего психологию, смежные с ней области знания и все сферы, требующие не только технических решений, но и методологического осмысления возникающих проблем. По отношению к виртуальным средам требуют актуального решения вопросы правовой и юридической дифференциации многообразных видов взаимодействия (Heiding et al., 2024; Modesto, Pilati, 2020).

Набирают темпы исследования об использовании различных версий ИИ в мошеннических схемах разного типа (Carroll et al., 2023; Heiding et al., 2024; Park et al., 2024; Tweed, et al., 2024). Особую тревогу у людей вызывают возможности мошенников обманывать людей посредством генерируемых ИИ ложных текстовых, голосовых и визуальных сообщений (Heiding et al., 2024). В исследованиях констатируется существенное усложнение *своевременного* обнаружения обмана по причине растущих возможностей *персонификации* ложного контента, генерируемого на основе *предварительного обобщения сведений* о потенциальной жертве, что облегчает подбор именно для нее тем, форм и режимов подачи информации (Carroll et al., 2023). Одновременно разработчики новейших версий ИИ тратят много сил на создание инструментов противодействия кибермошенничеству (Tweed, et al., 2024).

Появление *цифровых дипфейков* открыло «новую эру» в психологии обмана: новейшие технологии ИИ позволяют создавать не отличимый от оригинала поддельный контент, перед которым человек практически беззащитен, особенно в ситуации моделируемой паники и необходимости принятия быстрого решения (Cross, Holt, 2021; Kaushik et al., 2024).

Анонимность и возможность *скрытого* мошенничества в Интернете порождает комплексность экономического, психологического, социального и морального ущерба в беспрецедентных масштабах (Wen et al., 2022).

Механизмы, мишени и средства персонологического деструктивного манипулирования

Современные мошенники демонстрируют высокую научно-практическую оснащенность и нарастающую тенденцию использования (наряду со скрытыми манипуляциями) интенсивных форм прямой психологической агрессии. Каждая ответная реакция жертвы, как правило, становится основой и мишенью для новых, еще более изощренных воздействий (Wang, Zhou, 2023; Carter, 2021; Sarkar, Shukla, 2023).

Возрастные характеристики как мишени мошеннического манипулирования

Пожилые люди оказываются легкой добычей мошенничества во всем мире. Основой их уязвимости выступает психологическая *неготовность* к эффективному *противодействию* манипуляциям в цифровых средах, особенно в условиях высокого роста интенсивности таких негативных воздействий. Специалистами по мониторингу проблем когнитивного здоровья (США) в ходе исследований с участием 41711 человек установлено, что даже среди психически здоровых и когнитивно сохранных пожилых людей за год жертвой мошенников становится один из 18 американцев. Пожилые люди легко откликаются на манипуляции, связанные с проблемой смерти, с вопросами сохранения здоровья, имущества, безопасности и репутации личной и членов семьи (Burnes et al., 2017; Yip, Lee, 2022).

Детей и подростков чаще запугивают аргументацией, связанной с их родителями или референтными сверстниками, и спекулируют на их желании казаться взрослее (Verma, 2024; Fletcher, 2022).

Когнитивные и эмоциональные особенности как мишени деструктивного влияния

Мишенями для атаки мошенников оказываются когнитивные структуры, отвечающие за утилитарный расчет (взвешивающие вред и пользу принимаемых решений). Средством дестабилизации в этом случае становятся техники эмоционального раскачивания и интервенции, вызывающие бурную аффективную реакцию.

Установлено, когда эмоции вызывают озабоченность со стороны других людей, жертвы в большей степени склоняются к этически приемлемым решениям, а при атаке на личность самой жертвы растет вероятность принятия эгоистических решений и готовность к ответной агрессии, что становится основой для еще более изощренных действий манипуляторов (Yip, Lee, 2022). Продолжая манипуляции, мошенники «разрабатывают» темы неэтичного поведения, коррупции, разоблачения лживости каких-либо заявлений мишени (Modesto, Pilati, 2020).

Исследования фиксируют, что склонность к аналитическому мышлению и наличие достаточного времени для оценки ситуации снижают вероятность попадания человека в ловушки манипуляций, а дефицит времени и слабые аналитические способности повышают подверженность интернет-мошенничеству (Kelley et al., 2023; Verma, 2024).

Особое внимание в зарубежных исследованиях кибер-мошенничества уделяется изучению эмоциональных стрессов, вызванных угрозой клеветы и обстоятельств, способных спровоцировать изменение социального статуса жертвы; рассматриваются приемы убеждающего воздействия мошенников и методы, с помощью которых они обманывают жертв в социальных сетях и на платформах онлайн-знакомств (Sarkar, Shukla, 2023; Lazarus et al., 2023).

В качестве «золотого стандарта манипулирования» мошенниками используются следующие приемы.

1. «*Давление авторитета*», к которому большинство людей чувствительны «по привычке» опыта подчинения родителям, учителям, власти. Применяются: использование атрибутов власти и доминирования (надевают форму, показывают документы, разговаривают официальным тоном, используя бюрократическую лексику; демонстрируют высокую осведомленность о жизни и делах жертвы). Эти приемы часто применяются в сочетании: а) с призывами по типу «ради блага близких», «помочь стране», «держать обещания», б) с запугиваниями типа «нарушили закон», «если не сделаете — вас подставят» и т. п. (Dickinson, Wang, 2024; Sarkar, Shukla, 2023; Wiederhold, 2024; Fletcher, 2022).

2. *Когнитивные ловушки*, направленные на психологический статус личности: «Ты умный», «Ты сильный», «Будь совершенным», «Торопись, а то упустишь выгоду, решайся» (Verma, 2024).

3. «*Эмоциональное раскачивание*» с опорой на страхи (утраты привычного статуса, власти, будущего, упущенной выгоды), чувство вины, азарт, жадность и сочетание этих эмоций. Активно имитируются эмпатия, понимание, доверие; быстро меняются коммуникативные позиции (от сочувствия к запугивающим атакам и снова к доверительной коммуникации). Основная задача этих приемов — вызвать эмоциональное возбуждение и радикально понизить способность жертвы к критическому анализу текущей ситуации (Yip, Lee, 2022; Cross, Lee, 2022).

Приверженцы байесовской теории мозговой деятельности с помощью глубинного интервью с жертвами онлайн-мошенничества выявили механизмы трансформации психического состояния жертвы, на которые опирается абьюзер. В качестве основы для атаки мошенники чаще всего выбирают преобладающий тип мотивации, характерный для человека, когнитивные искажения и специфику присущего для него в данный момент времени эмоционального дисбаланса (Wen et al., 2022).

Интегрируя описанные в литературе приемы воздействия, можно выделить *универсальную схему манипулятивного влияния*: комплексное, подготовленное и направленное воздействие приводит жертву в состояние растерянности, беспомощности, незащищенности и болезненного ощущения «утраты контроля», и человек стремится как можно быстрее избавиться от воз-

никшего дезадаптивного состояния. Средствами снятия дискомфорта выступают: 1) *поиск психологической опоры*, в качестве которой, как ни странно, выступает сам мошенник (имитирующий эмпатию, доверие, предлагающий «очевидные выгоды»); 2) «*принятие быстрого решения*», в результате которого во внутреннем мире человека снова появляется ощущение стабильности и контроля над ситуацией и самим собой.

Подобные манипулятивно-мошеннические атаки специально готовятся. Многим трудно представить, что «до» контакта с ними мошенники, посредством искусственного интеллекта, составляют «профиль жертвы» (интересы, способы эмоционального и поведенческого реагирования и др.); а затем в дело вступают натренированные коммуникаторы, которые и производят деструктивное воздействие. (Coluccia et al., 2020; Cross, Holt, 2021; Cassiman, 2019).

Многие авторы фиксируют, что когда мошенничество раскрывается, жертвы испытывают шок, гнев, стыд, чувство эмоциональной подавленности, потерю доверия или скорбь. Травмирующий эффект может усугубляться тем, что жертва под давлением поделилась откровенными фотографиями и деликатными подробностями, в том числе из интимной жизни; аферисты требуют денежного вознаграждения за сохранение информации в тайне. При невыполнении жертвой требований, на нее обрушиваются угрозы, шантаж, обещания разместить данные в сети. С 2019 года количество случаев подобного вымогательства увеличилось более чем в восемь раз. При этом установлено, что люди в возрасте от 18 до 29 лет более чем в шесть раз чаще сообщают о подобных случаях, чем люди старше 30 лет. В результате вымогатель добивается таких негативных психологических последствий для жертвы, как беспокойство, стресс, тревога и самобичевание, к которым (со временем) могут добавиться повторяющиеся приступы тревоги, побуждающие жертву к размышлениям о самоубийстве (Lazarus et al., 2023; Wiederhold, 2024).

В зарубежных исследованиях психологических механизмов манипулирования большое внимание уделяется *эксплуатации религиозных чувств*. Мишенями, в данном случае, выступают религиозные догмы, следование обрядам, формирование иллюзии надежности договоренностей с манипулятором, основанной на принятых в той или иной конфессии нормах поведения. Особенностью профилактики является поиск таких приемов, которые бы не становились дополнительным источником оскорбления чувств верующих (Ahmad H. et al., 2024; Hanafi et al., 2024).

Психологическая природа и модели деструктивного мошеннического манипулирования

Научная разработка проблемы коммуникативно-цифрового мошенничества не может обойтись без применения концепций и моделей, позволяющих объяснять феноменологическую мозаику явления, прогнозировать и разрабатывать системы предупреждения и активного противодействия современному технологически оснащенному мошенничеству (Maulidi, 2025).

В изучении психологии мошенничества с середины XX века стали использовать схему, названную «*треугольник мошенничества*». *Эдвин Сазерленд* и позднее *Дональд Кресси* представили в ней факторы, побуждающие к совершению мошенничества высокообразованных людей, занятых обработкой больших объемов информации. По модели Сазерленд—Кресси, склонность к мошенническим действиям может быть спровоцирована сочетанием высокой вероятности выгоды с низкой вероятностью наказания, и наличия мотивирующего поведения с действенным моральным оправданием предстоящего проступка (Maulidi, 2025). В начале нынешнего столетия *Дэвид Вулф и Дана Р. Хермансон* превратили треугольник в ромб, добавив четвертую вершину, обозначающую особые способности и создание специальных условий (появление Интернета и искусственного интеллекта). Модель получила название «*бриллиант мошенничества*» и стала популярным инструментом в современных исследованиях (Aphek, Cojocaru, 2024), в которых с использованием таких параметров, как «мотивация», «возможность», «способность», «обоснование», структурируется описание коммуникативных сценариев пользователей цифровыми средствами и разрабатываются меры по профилактике злоупотреблений в сфере доступа к большим объемам информации (Aphek, Cojocaru, 2024; Egiyi, Chindengwike 2023).

В психологических исследованиях деструктивных манипуляций все активнее используется модель «*Драматический треугольник*» *Карпмана*, рассматривающего коммуникативные трансакции ролевых персонажей «Жертвы», «Преследователя» и «Спасателя». Акцент исследований делается на причинах стремления потенциальных жертв к состоянию виктимности, сопровождаемому чувством вины, беспомощности и печали. Перевод человека в такое состояние достигается подавлением его способности трезво оценивать ситуацию, в сочетании с навязыванием ответственности за нечто предосудительное. В этих целях используются: ложные сведения, псевдо-доказательства вины, демонстрация якобы очевидных подтверждений того, чего жертва должна стыдиться и за что ее следует наказать (Lac, Donaldson, 2022).

Популярная в западной персонологии *модель «Темной триады»* активно применяется как для исследования психологических причин, так для и поиска возможностей противодействия информационно-коммуникативному мошенничеству (Antonicelli, Felski, 2024; Brownell, McMullen, O'Boyle, 2021; Vize, Byrd, Stepp, 2023; Upadhyay, Baber, 2023). При рассмотрении конкретных случаев исследователи оценивают степень выраженности у мошенников качеств макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, которые тесно связаны с неэтичным поведением, нечестностью, эгоизмом, беспощадным стремлением к эксплуатации жертвы, при-

менением физического и психологического насилия (Al-Abrrow et al., 2020; Furnham, Treglown, 2021; Schreiber, Marcus, 2020; Szab , et al., 2021).

Добавление к модели «Темной триады» представлений о «Светлой триаде» (альтруизм, честность, доброжелательность) (Upadhyay, Baber, 2023; Schyns, Braun, Neves, 2022), позволило получить новые возможности содержательного описания изучаемых феноменов в психологии мошенничества. В системе «зеркального отображения» темной и светлой триад появляется возможность формулирования кратких, но содержательно емких описаний вариантов поведения жертв и мошенников в контексте манипулятивного взаимодействия (Szabó et al., 2021; Schyns, Braun, Neves, 2022). На основе обобщений результатов упомянутых исследований, приводятся варианты типичных характеристик поведения мошенников и их жертв (табл. 1 / Table 1).

Использование представлений о темной и светлой триадах может помочь в исследованиях, проводимых с целью объяснения динамики взаимодействия между жертвами и мошенниками; в выявлении вероятных персонологических и групповых рисков, выступающих основой для различных видов психологических деструктивных манипуляций; а также для профилактического тренинга, формирующего комплексную когнитивно-эмоционально-поведенческую устойчивость личности к манипулятивным воздействиям.

Таблица 1

Проявления черт «темной» и «светлой» триады в вариантах поведения мошенников и жертв

Темная триада	Мошенники	Жертвы	Светлая триада
Нарциссизм	Проявляют нарциссические черты, полагая, что они умнее других и могут легко манипулировать жертвами. Создают фальшивые профили в социальных сетях, чтобы привлечь внимание и завоевать доверие. Используют привлекательные фотографии и хвастливые истории о своем успехе	Доброта и отзывчивость, стремление помочь другим. Становятся податливы манипуляциям, когда мошенники используют истории с просьбой о помощи, чтобы вызвать сочувствие и заставить жертву отправить деньги	Альтруизм
Макиавеллизм	Используют хитрые и манипулятивные стратегии, чтобы обмануть людей. Могут отправлять фальшивые электронные письма от имени известных компаний, предлагая «выигрыш» или «возврат средств», чтобы заставить жертву предоставить личные данные	Высокий уровень доверчивости и искренности. Могут быть слишком доверчивыми и не подозревать о возможном обмане. Например, могут не проверять информацию о человеке, который просит о помощи и в результате становятся жертвами мошенничества	Честность
Психопатия	Не испытывают угрызений совести при обмане других. Могут использовать фальшивые истории о бедственном положении, чтобы вымогать деньги у добросердечных людей	Стремятся к гармонии и добрым отношениям, в силу чего могут быть уязвимы для обмана. Например, могут легко поддаваться давлению со стороны мошенников, которые используют эмоциональные уловки	Доброжелательность

Table 1

Manifestations of the traits of the «dark» and «light» triad in the behaviors of scammers and victims

The Dark Triad	Scammers	Victims	The Light Triad
Narcissism	They exhibit narcissistic traits, believing that they are smarter than others and can easily manipulate victims. They create fake profiles on social networks to attract attention and gain trust. They use attractive photos and boastful stories about their success.	Kindness and responsiveness, the desire to help others. They become susceptible to manipulation when scammers use stories asking for help to elicit sympathy and force the victim to send money	Altruism
Machiavellianism	They use cunning and manipulative strategies to deceive people. They may send fake emails on behalf of well-known companies offering “winnings” or “refunds” to force the victim to provide personal information	High level of trustfulness and sincerity. They may be too trusting and unaware of possible deception. For example, they may not check information about a person who asks for help and as a result become victims of fraud	Honesty
Psychopathy	They have no remorse when deceiving others. They can use fake stories of distress to extort money from kind-hearted people	They strive for harmony and good relations, which may make them vulnerable to deception. For example, they can easily succumb to pressure from scammers who use emotional tricks	Benevolence

Не потеряла своего эвристического потенциала для исследований психологии манипулирования и мошенничества схема описания личности «*Большая пятерка*» (модель OCEAN) (Sleep, Lynam, Miller, 2021). Согласно исследованиям, проведенным с ее использованием, были обнаружены сходные корреляции между деструктивным поведением, мошенничеством и обманом, как в традиционном общении, так и в кибер-среде (Shappie, Dawson, Debb, 2020): склонность к мошенничеству и психологическому деструктивному воздействию при общении в цифровых сетях, в работе с различными кибертехнологиями и в простом повседневном общении оказалась обратно пропорциональной степени выраженности таких качеств, как добросовестность, доброжелательность и открытость (Wendel, Rocque, Posick, 2022).

На основе схемы «Большой пятерки» (OCEAN) разные виды взаимодействия описываются с опорой на пять личностных характеристик: открытость, добросовестность, экстраверсия, согласие и невротизм (Sleep, Lynam, Miller, 2021) (табл. 2).

Описанные в таблицах личностно-поведенческие особенности учитываются при анализе и прогнозировании реального взаимодействия сторон, помогая объяснить специфику восприятия информации жертвой и мошенником, механизмы манипулирования и склонность к различным проявлениям деструктивного поведения. Например, жертвы-экстраверты могут быть

Таблица 2

Проявление характеристик «Большой пятерки» в ролевых вариантах жертвы и мошенников

Личностные характеристики	Мошенники	Жертвы
Открытость	Используют свою креативность и инновационное мышление для разработки новых схем обмана	Люди с высокой открытостью могут быть более доверчивыми и восприимчивыми к новым идеям, что делает их уязвимыми для манипуляций
Добросовестность, добротность в делах	Высокая добросовестность в делах помогает мошенникам тщательно планировать свои действия и избегать ошибок	Низкая добросовестность в отношении реализации своих намерений может привести к неорганизованности и недостатку внимания к деталям, делает жертв более подверженными мошенничеству
Экстраверсия	Экстраверты используют свои социальные навыки для обмана и манипуляции, создавая доверительные отношения с жертвами	Экстраверты могут быть более открытыми к взаимодействию с другими, и это делает их более уязвимыми для манипуляций
Согласие	Низкая способность соглашаться с мнением других и считаться с их интересами помогает мошенникам игнорировать моральные нормы и манипулировать другими без угрызений совести	Высокая способность к достижению согласия с другими может провоцировать повышенное доверие в отношениях и общении, проявление стремления избегать конфликтов, что делает таких людей легкой целью для мошенников
Невротизм	Мошенники с высоким уровнем невротизма могут действовать импульсивно и принимать рискованные решения, что делает их уязвимыми к разоблачению	Люди с высоким уровнем невротизма могут испытывать тревогу и неуверенность, что делает их более восприимчивыми к манипуляциям

Table 2

The manifestation of the characteristics of the «Big Five» in the role variants of the victim and the scammers

Personal characteristics	Scammers	Victims
Openness	They use their creativity and innovative thinking to develop new cheating schemes	People with high openness may be more trusting and receptive to new ideas, which makes them vulnerable to manipulation
Conscientiousness	High integrity in business helps fraudsters plan their actions carefully and avoid mistakes	Low conscientiousness regarding the implementation of one's intentions can lead to disorganization and lack of attention to detail, making victims more susceptible to fraud
Extraversion	Extroverts use their social skills to deceive and manipulate, creating trusting relationships with victims	Extroverts may be more open to interacting with others, and this makes them more vulnerable to manipulation
Agreeableness	The low ability to agree with the opinions of others and consider their interests helps scammers ignore moral norms and manipulate others without remorse	A high ability to reach agreement with others can provoke increased trust in relationships and communication, and a desire to avoid conflict, which makes such people an easy target for scammers
Neuroticism	Scammers with high levels of neuroticism can act impulsively and make risky decisions, making them vulnerable to exposure	People with high levels of neuroticism may experience anxiety and insecurity, which makes them more susceptible to manipulation

открыты и склонны делиться личной информацией, в то время как отличающиеся упорством, последовательностью и настойчивостью в достижении неблаговидных целей мошенники, используют социальные сети для активного поиска информации и создания ложных профилей в целях манипулирования доверием пользователей (Wendel, Rocque, Posick, 2022).

Стратегии профилактики и противодействия деструктивному манипулированию в мошеннических целях

Приведенные выше материалы формируют понимание о необходимости разработки «многослойных» стратегий противодействия многоликому кибермошенничеству: в эпоху невиданного прогресса цифровых технологий нужны решительные и неординарные меры по обеспечению безопасности личности и общества (Verma, 2024).

Страны развитых экономик для защиты от электронного мошенничества основной упор делают на технико-технологическое совершенствование систем цифрового противодействия и активную коммуникацию с населением: оповещение, обучение правилам информирования близких, повышение персональной осознанности планируемых и совершаемых действий. Многие страны имеют горячие линии для сообщений о подозрительных звонках, ИИ-модели, защищающие от спама; системы дополнительной верификации личности и т. п. (Wen et al., 2022; Park, 2024; Psychological Security in the Conditions of using Information and Communication Technologies, 2020).

В исследованиях и разработках программ профилактики цифрового мошенничества активно применяются подходы и приемы *когнитивно-поведенческой* терапии (Karabatak, 2023): распознавание ошибок мышления, переключение внимания, отработка социально приемлемых стилей общения, упражнения на расслабление, как средства реципроктного торможения нежелательных установок (Karabatak, 2023; Moraga et al., 2022).

Анализ опубликованных за последние годы работ свидетельствует, что основным средством профилактики от деструктивного психологического воздействия манипуляторов-мошенников выступает *предупредительное информирование*, а повышение его эффективности достигается за счет улучшения дизайна, качества содержания, разнообразия каналов и форм подачи сведений (Ambashtha, Kumar, 2023; Perle, Frye, McCoy, 2024). Открытым, по мнению специалистов, остается вопрос о готовности самих граждан воспринимать такую информацию и следовать полученным рекомендациям, но исследований в этом направлении пока не достаточно (Wen et al., 2022; Ambashtha, Kumar, 2023; Dove, 2020). Специалисты отмечают, что исследования поведения и принятия решений в связке с обеспечивающими их когнитивными моделями все чаще ориентированы не на живого человека, а на совершенствование различных видов ИИ (Ambashtha, Kumar, 2023; Dove, 2020), а реальные люди и сообщества остаются в ситуации недостаточной защищенности.

В целом, в сфере профилактики и противодействия кибермошенничеству отмечается, что требуются широкомасштабные информационные кампании по вопросам распознавания деструктивных психологических воздействий и обучения методам противостояния различным формам манипулятивного мошенничества. Необходимо в кратчайшие сроки интегрировать программы профилактики и справочную информацию непосредственно в наиболее важные приложения, в частности для финансовых организаций, инвестиционных платформ и сайтов знакомств (Ambashtha, Kumar, 2023; Dove, 2020; Kaushik, Garg, Kant, 2024).

Не утратили своей значимости *информирование* и *постоянные напоминания* о таких вещах, как запрет на отправку денег или предоставление чрезмерно подробной информации малознакомым людям. В условиях постоянства контактов с новой информацией и любыми виртуальными взаимодействиями обязательно *правило перепроверки* поступающих сведений (Dove, 2020; Wiederhold, 2024; Sarkar, Shukla, 2023)

Требуется формирование *навыка «отсроченного решения»* для ситуаций неотложных («горячих») предложений о возможности быстрого инвестирования и прибыли. Особую настороженность должны вызывать предложения от незнакомых или малознакомых лиц и от тех, кто торопит, не дает возможности подумать, начинает прибегать к угрозам и запугиванию, ссылаться на какие-то особые полномочия (Karabatak, 2023; Wendel, Rocque Posick, 2022).

Для успешной борьбы с онлайн-мошенничеством необходимы не только прогресс в понимании человеческой психологии, но и повышение уровня ориентировки людей в сложностях новых технологий, а также необходимо объединение усилий специалистов разного профиля (Maulidi, 2025; Verma, 2024).

Рассматривая возможности профилактики и противодействия цифровому мошенничеству, можно констатировать: в современных реалиях ежедневного прироста использования в мошеннических манипуляциях все более совершенных технологических уловок акцент профилактики должен быть смещен с просветительско-информационных стратегий («базового уровня») на стратегии активного обучения («продвинутого уровня») для формирования ментально-поведенческих установок критического анализа реальности и себя самого, навыков распознавания и гибкого противодействия деструктивным влияниям манипуляторов.

Все эти навыки можно формировать системно и качественно в форматах школьного и вузовского обучения, в профессиональных коллективах, социально-демографических группах посредством организации разного рода специальных семинаров и практикумов. Это не займет много времени, затраты приемлемы, а отдача станет заметна и экономически, и по вкладу в

сохранение морально-психологического здоровья общества и отдельных людей.

Заключение

По итогам проведенного анализа современных зарубежных публикаций можно сформулировать следующие выводы.

1. Эффективность современного кибер-мошенничества обеспечивается анонимностью интернет-среды, возможностью скрытого влияния, обусловливающего трудности его своевременного обнаружения, интенсивностью внедрения новейших разработок искусственного интеллекта, кратно повышающих достоверность и персонификацию ложного контента.

2. Наиболее типичными направлениями зарубежных исследований деструктивного информационно-коммуникативного влияния в цифровой среде являются:

— категоризация разновидностей мошенничества, классификация и типизация феноменов, происходящих в процессе манипулятивного воздействия (что делают манипуляторы и как реагирует жертва);

— исследование психологических особенностей воздействия на мишени манипулятивного влияния, связанные с возрастом, личностью, когнитивными способностями, динамикой эмоциональных состояний, религиозными и иными установками жертвы;

— изучение последствий внедрения новейших разработок искусственного интеллекта, усложнивших процесс обнаружения манипуляций и поиск средств противодействия опасным цифровым коммуникациям.

3. Исследование и описание психологических закономерностей поведения жертв и мошенников в системе деструктивного манипулирования и поиск средств защиты от них ведутся с опорой на следующие модели: «Треугольник мошенничества» и «Бриллиант мошенничества», «Драматический треугольник Карпмана», модель «Темной триады», модель «Светлой триады», модель «Большой пятерки».

4. В качестве основных стратегий профилактики и противодействия цифровому мошенничеству применяют информационно-просветительские и предупредительно-коммуникативные модели в сочетании с внедрением технических средств обнаружения и пресечения мошеннических действий.

5. На основе проведенного анализа и мониторинга актуальной ситуации в сфере кибер-мошенничества, авторы актуализируют необходимость применения междисциплинарного подхода и разработки интегративной методологии для исследования и разработки-внедрения систем профилактики и защиты от деструктивных воздействий в мошеннических целях. В современной ситуации акцент в профилактике мошенничества должен быть смещен с информационно-просветительского подхода на активное обучение навыкам распознавания и противодействия манипуляциям и формирование ментально-эмоциональных установок, связанных с ценностными аспектами Я-концепции личности.

Ограничения. Результаты исследования касаются выбранной предметной области, применительно к актуальной ситуации развития цифровых технологий и их использованию в системе цифрового мошенничества, как это отражено в зарубежных публикациях

Limitations. The results of the study relate to and are applicable to the chosen subject area, in relation to the current situation of the development of digital technologies and their use in the digital fraud system, as reflected in foreign publications.

Список источников / References

1. Abubakari, Y. (2024). Modelling the modus operandi of online romance fraud: Perspectives of online romance fraudsters. *Journal of Economic Criminology, 6*, Article 100112. https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2024.100112
2. Ambashtha, K.L., Kumar, P. (2023). Online Fraud. In: C.M. Gupta (Ed.), *Financial Crimes: A Guide to Financial Exploitation in a Digital Age* (pp. 97—108). Cham: Springer. http//doi.org/10.1007/978-3-031-29090-9_7
3. Antonicelli, S., Felski, E.A. (2024). The effect of the dark triad on organizational fraud. *Journal of Forensic Accounting Research, 9*(1), 155—166. http//doi.org/10.2308/JFAR-2023-033
4. Aphek, M., Cojocaru, D. (2024). Why do they do it? A comprehensive review of the fraud triangle and the fraud diamond among fraud offenders. *Educatia, 28*, 392—398. http//doi.org/10.24193/ed21.2024.28.43
5. Brownell, K.M., McMullen, J.S., O'Boyle, E.H. Jr. (2021). Fatal attraction: A systematic review and research agenda of the dark triad in entrepreneurship. *Journal of Business Venturing, 36*(3), Article 106106. http//doi.org/10.1016/j.jbusvent.2021.106106
6. Buil-Gil, D., Zeng, Y. (2021). Meeting you was a fake: Investigating the increase in romance fraud during COVID-19. *Journal of Financial Crime, 29*(2), 460—475, http//doi.org/10.1108/JFC-02-2021-0042
7. Burnes, D., Henderson, C.R. Jr., Sheppard, C., Zhao, R., Pillemer, K., Lachs, M.S. (2017). Prevalence of financial fraud and scams among older adults in the united states: A systematic review and meta-analysis. *American journal of public health, 107*(8), e13—e21. http// doi.org/10.2105/AJPH.2017.303821
8. Carroll, M., Chan, A., Ashton, H., Krueger, D. (2023). Characterizing manipulation from AI systems. In: *EAAMO '23: Proceedings of the 3rd ACM Conference on Equity and Access in Algorithms, Mechanisms, and Optimization* (pp. 1—13). New York: Association for Computing Machinery. http//doi.org/10.1145/3617694.3623226
9. Carter, E. (2021). Distort, extort, deceive and exploit: Exploring the inner workings of a romance fraud. *The British Journal of Criminology, 61*(2), 283—302. http//doi.org/10.1093/bjc/azaa072

10. Cassiman, A. (2019). Spiders on the world wide web: Cyber trickery and gender fraud among youth in an Accra zongo. *Social Anthropology/Anthropologie Sociale, 27*(3), 486—500. http//doi.org/10.1111/1469-8676.12678
11. Coluccia, A., Pozza, A., Ferretti, F., Carabellese, F., Masti, A., Gualtieri, G. (2020). Online romance scams: Relational dynamics and psychological characteristics of the victims and scammers. A scoping review. *Clinical practice and epidemiology in mental health, 16*, 24—35. http//doi.org/10.2174/1745017902016010024
12. Cross, C., Holt, T.J. (2021). The use of military profiles in romance fraud schemes. *Victims & Offenders, 16*(3), 385—406. http//doi.org/10.1080/15564886.2020.1850582
13. Cross, C., Lee, M. (2022). Exploring fear of crime for those targeted by romance fraud. *Victims & Offenders, 17*(5), 735—755. http//doi.org/10.1080/15564886.2021.2018080
14. Dickinson, T., Wang, F. (2024). Neutralizations, altercasting, and online romance fraud victimizations. *Deviant Behavior, 45*(5), 736—751. http//doi.org/10.1080/01639625.2023.2263610
15. Dove, M. (2020). *The psychology of fraud, persuasion and scam techniques: Understanding what makes us vulnerable*. London: Routledge. http//doi.org/10.4324/9781003015994
16. Egiyi, M.A., Chindengwike, J. (2023). The psychology behind financial fraud: Unmasking motives and warning signs. *Contemporary Journal of Psychology and Behavioral Science, 4*(1), 16—24. http//doi.org/10.5281/zenodo.8287913
17. Fletcher, E. (2022). Social media a gold mine for scammers in 2021. *Federal Trade Commission*. URL: https://www.ftc.gov/news-events/data-visualizations/data-spotlight/2022/01/social-media-gold-mine-scammers-2021 (viewed: 18.06.2025).
18. Furnham, A., Treglown, L. (2021). The dark side of high-fliers: The dark triad, high-flier traits, engagement, and subjective success. *Frontiers in Psychology, 12*, Article 647676. http//doi.org/doi.org/10.3389/fpsyg.2021.647676
19. Hanafi, A.H.A., Saufi M.S.A.M., Haji, M.Z., Wahab, S.C.S., Muhammad, M.H. (2024). The intersection of faith and fraud: Analyzing the dynamics of faith manipulation in investment schemes. *International Journal of Research and Innovation in Social Science, 8*(9), 2878—2885. http//doi.org/10.47772/IJRISS.2024.8090241
20. Heiding, F., Schneier, B., Vishwanath, A., Bernstein, J., Park, P.S. (2024). Devising and detecting phishing emails using large language models. *IEEE Access, 12*, 42131—42146. http//doi.org/10.1109/ACCESS.2024.3375882
21. Karabatak, O. (2023). Cognitive behavioral therapy (CBT) for criminal behaviors. In: S. Güney (Ed.), *Criminal Behavior — The Underlyings, and Contemporary Applications* (pp. 1—20). Ankara: IntechOpen. http//doi.org/10.5772/intechopen.1002039
22. Kaushik, P., Garg, V., Priya, A., Kant, S. (2024). Financial fraud and manipulation: The malicious use of deepfakes in business. In: G. Gupta, S. Bohara, R.K. Kovid, K. Pandla (Eds.), *Deepfakes and Their Impact on Business* (pp. 173—196). Hershey: IGI Global, http//doi.org/10.4018/979-8-3693-6890-9.ch008
23. Kelley, N.J., Hurley-Wallace A.L., Warner, K.L., Hanoch, Y. (2023). Analytical reasoning reduces internet fraud susceptibility. *Computers in Human Behavior, 142*, Article 107648. https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107648
24. Lac, A., Donaldson, C.D. (2022). Development and Validation of the Drama Triangle Scale: Are You a Victim, Rescuer, or Persecutor? *Journal of Interpersonal Violence, 37*(7—8), NP4057—NP4081 http//doi.org/10.1177/0886260520957696
25. Lazarus, S., Whittaker, J.M., McGuire, M.R., Platt, L. (2023). What do we know about online romance fraud studies? A systematic review of the empirical literature (2000 to 2021). *Journal of Economic Criminology, 2*, Article 100013. http//doi.org/10.1016/j.jeconc.2023.100013
26. Maulidi, A. (2025). The enigma of fraud as a unique crime and its resonance for auditing research and practice: Unlearned lessons of psychological pathways to fraud. *Journal of Accounting & Organizational Change, 21*(1), 48—69. http//doi.org/10.1108/JAOC-04-2023-0076
27. Modesto, J.G., Pilati, R. (2020). «Why are the corrupt, corrupt?»: The multilevel analytical model of corruption. *The Spanish journal of psychology, 23*, Article e5. http//doi.org/10.1017/SJP.2020.5
28. Park, P.S., Goldstein, S., O'Gara, A., Chen, M., Hendrycks, D. (2024). Al deception: A survey of examples, risks, and potential solutions. *Patterns, 5*(5), Article 100988. http//doi.org/10.1016/j.patter.2024.100988
29. Perle, J.G., Frye, W.S., McCoy, T. (2024). Data security in the digital age: A consolidated guide for psychologists to understand health insurance portability and accountability act-compliant telehealth. *Translational Issues in Psychological Science, 10*(2), 111—122. https://doi.org/10.1037/tps0000403
30. Sarkar, G., Shukla, S.K. (2023). Behavioral analysis of cybercrime: Paving the way for effective policing strategies. *Journal of Economic Criminology, 2*, Article 100034. http//doi.org/10.1016/j.jeconc.2023.100034
31. Schreiber, A., Marcus, B. (2020). The place of the «Dark Triad» in general models of personality: Some meta-analytic clarification. *Psychological Bulletin, 146*(11), 1021—1041. http//doi.org/10.1037/bul0000299
32. Schyns, B., Braun, S., Neves, P. (2022). Connecting dark personality research with workplace issues. *Zeitschrift für Psychologie, 230*(4), 277—279. https://doi.org/10.1027/2151-2604/a000507
33. Shappie, A.T., Dawson, C.A., Debb, S.M. (2020). Personality as a predictor of cybersecurity behavior. *Psychology of Popular Media Culture, 9*(4), 475—480. http//doi.org/10.1037/ppm0000247
34. Sleep, C.E., Lynam, D.R., Miller, J.D. (2021). A comparison of the validity of very brief measures of the big five/five-factor model of personality. *Assessment, 28*, 739—758. http//doi.org/10.1177/1073191120939160

35. Szabó, Z.P., Simon, E., Czibor, A., Restás, P., Bereczkei, T. (2021). The importance of dark personality traits in predicting workplace outcomes. *Personality and Individual Differences, 183*, Article 111112. http//doi.org/10.1016/j.paid.2021.111112
36. Tweed, E., Cimova, K., Craig, P., Allik, M., Brown, D., Campbell, M., Henderson, D., Mayor, C., Meier, P., Watson, N. (2024). Unlocking data: Decision-maker perspectives on cross-sectoral data sharing and linkage as part of a whole-systems approach to public health policy and practice. *Public Health Research* (*Southampt*). Preprint. http//doi.org/10.3310/KYTW2173
37. Upadhyay, D., Baber, H. (2023). The Concept of the dark triad: Effect on organizational outcomes and navigating strategies. *Changing Societies & Personalities, 7*(4), 158—173. http//doi.org/10.15826/csp.2023.7.4.256
38. Verma, A. (2024). The impact of call spoofing on trust and communication: A user perception study. *International Journal of Safety & Security Engineering, 14*(2), 487—498. http//doi.org/10.18280/ijsse.140216
39. Vize, C.E., Byrd, A.L., Stepp, S.D. (2023). The relative importance of psychopathy features as predictors of externalizing behaviors in youth: A multimethod examination. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment, 45*, 1—17. http//doi.org/10.1007/s10862-022-10017-5
40. Wang, F., Zhou, X. (2023). Persuasive schemes for financial exploitation in online romance scam: An anatomy on sha zhu pan (杀猪盘) in China. *Victims & Offenders, 18*(5), 915—942. http//doi.org/10.1080/15564886.2022.2051109
41. Wen, X., Xu, L., Wang, J., Gao, Y., Shi, J., Zhao, K., Tao, F., Qian, X. (2022). Xiuying qian mental states: A key point in scam compliance and warning compliance in real life. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 19*(14), Article 8294. http//doi.org/10.3390/ijerph19148294
42. Wendel, B.E., Rocque, M., Posick, C. (2022). Rethinking self-control and crime: Are all forms of impulsivity criminogenic? *European Journal of Criminology, 19*(4), 523—541. http//doi.org/10.1177/1477370820902992
43. Wiederhold, B.K. (2024). Digital desires, real losses: The complex world of online romance fraud. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, 27*(5), 300—302. http//doi.org/10.1089/cyber.2024.29311.editorial
44. Yip, J.A, Lee, K.K. (2022). Emotions and ethics: How emotions sensitize perceptions of the consequences for self and others to motivate unethical behavior. *Current Opinion in Psychology, 48*, Article 101464. https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101464
45. Zhuravlova, L.P., Pomytkina, L.V., Lytvynchuk, A.I., Mozharovska, T.V., Zhuravlov, V.F. (2020). Psychological security in the conditions of using information and communication technologies. In: *Proceedings of the 1st Symposium on Advances in Educational Technology, 2* (pp. 216—223). http//doi.org/10.5220/0010930200003364

Информация об авторах

Марина Ивановна Розенова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6976-5587, e-mail: profi1234@yandex.ru

Александр Сергеевич Огнев, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»); ведущий специалист Исследовательского Центра «Философия образования», Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2944-6615, e-mail: ASOgnyov@fa.ru

Эльвира Валерьевна Лихачева, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии и психологии труда, Гуманитарный институт Российского нового университета (АНОК ВО «Российский новый университет» РосНоУ), Москва, Российская Федерация ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0033-601X, e-mail: zin-ev@yandex.ru

Information about the authors

Marina Ivanovna Rozenova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6976-5587, e-mail: profi1234@yandex.ru

Alexander Sergeevich Ognev, Doctor of Science (Psychology), Professor, Deputy Director of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; the leading specialist of the Research Center «Philosophy of Education», Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2944-6615, e-mail: ASOgnyov@fa.ru

Elvira Valeryevna Likhacheva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of General Psychology and Labor Psychology, Humanitarian Institute of the Russian New University, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0033-601X, e-mail: zin-ev@yandex.ru

Вклад авторов
Все авторы внесли равный вклад в разработку проблемы и написание статьи и приняли участие в обсуждении результатов, согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors
All the authors made an equal contribution to the development of the problem and the writing of the article, and participated in the discussion of the results, agreed on the final text of the manuscript.

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest
The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике
Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (№ протокола от 10.01.2025 г.).

Ethics statement
The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Moscow State University of Psychology and Education (report no, 2025/01/10).

Поступила в редакцию 11.04.2025 — Received 2025.04.11.
Поступила после рецензирования 13.06.2025 — Revised 2025.06.13.
Принята к публикации 18.06.2025 — Accepted 2025.06.18.
Опубликована 30.06.2025 — Published 2025.06.30.